

Научная статья

УДК 821.161.1-31:801.81

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.03

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОД В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА
«ДУША МОЯ ПАВЕЛ»****Матвеева Ирина Ивановна**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,matv1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Аннотация. В статье рассмотрены фольклорные и мифопоэтические мотивы романа А. Варламова «Душа моя Павел». На основе комплексного анализа текста, мифопоэтического и интертекстуального методов прослежены генетические связи персонажей с фольклорными и мифопоэтическими источниками. Рассмотрена проекция главного героя романа Павла Непомилуева на низкого фольклорного персонажа и былинного героя, дана трактовка его имени и фамилии, вскрыты персоналогические и онтологические уровни в структуре образа. Особое место уделяется топосу романа, показывается его связь со сказочными мотивами и формулами, выявленными В. Я. Проппом и Е. М. Мелетинским, а также с легендами о земле обетованной. Прослеживаются мотивы волшебных помощников, заколдованности, преобразования низкого героя в высокого, отсылки к мифопоэтическим образам леса, реки, русалки.

Ключевые слова: филологический роман, фольклор, мифология, сказочный топос, инициация, праведная земля, Непомилуев, художественный образ, мотив заколдованности.

Для цитирования: Матвеева, И. И. (2024). Фольклорный код в романе А. Варламова «Душа моя Павел». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 39–52. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.03>

Original article

UDC 821.161.1-31:801.81

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.03

**FOLKLORE CODE IN THE NOVEL BY A. VARLAMOV
«MY SOUL PAVEL»****Irina I. Matveeva**Moscow City University,
Moscow, Russia,matv1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Abstract. The article considers folklore and mythopoetic motifs of the novel by A. Varlamov «My Soul Pavel». Varlamov's «My Soul Paul». Employing a complex analysis

of the text, namely relying on mythopoetic and intertextual methods the author traces the genetic links of characters with folklore and mythopoetic sources. There is a projection of the protagonist of the novel onto a low folklore character and a Bylinny hero which is considered to interpret his name and surname as well as to reveal personological and ontological levels in the image structure. The specific focus is on the topos of the novel, its connection with fairy-tale motifs and formulas identified by V. Y. Propp and E. M. Meletinsky, as well as with the legends about the promised land. There are motifs of magic helpers, enchantment, transformation of a low positioned hero into a high positioned one, along with references to mythopoetic images of forests, rivers, mermaids traced.

Keywords: philological novel, folklore, mythology, fairy-tale topos, initiation, righteous land, Nepomiluev, artistic image, motif of enchantment.

For citation: Matveeva, I. I. (2024). Folklore code in the novel by A. Varlamov «My soul Pavel». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 39–52. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.03>

Введение

Роман «Душа моя Павел» лауреата премии «Большая книга» А. Варламова вызывает огромный интерес у читателей и литературоведов. Художественно осмысливая советское прошлое (Солдаткина, 2020), его автор обращается к важным проблемам современности, отвергая «исторический пессимизм» русского постмодернизма (Скоропанова, 2002, с. 280), его двусмысленность и релятивизм.

Корпус исследований, посвященных роману А. Варламова, уже достаточно обширен. Авторы работ отмечают особую роль имен в романе (Новикова, Лапынина, 2020), филологические аллюзии, фольклорные элементы (Матевосян, 2023), анализируют образ главного героя (Матвеева, Крылова, 2024), своеобразие сюжета (Солдаткина, 2020) и т. д. Однако до полного осмысления поэтики произведения еще очень далеко. Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать фольклорные и мифологические источники романа, создающие особые проекции его смысла.

Роман «Душа моя Павел» можно без преувеличения назвать филологическим. Он написан в реалистической манере с элементами модернизма и по классификации Г. Л. Нефагиной и А. И. Смирновой относится к «условно-метафорическим произведениям» (Нефагина, 2003, с. 44; Смирнова, 2011, с. 91). Авторская мысль в нем доносится с помощью «героя, воплощающего идею соборности» и «порожденного советской действительностью» (Нефагина, 2003, с. 46). Но наряду с изобразительным сюжетным планом в тексте романа отчетливо проступает метафизический план, в котором с помощью авторских подсказок, смешения реального и ирреального, различных отсылок к классическим и неклассическим текстам-предшественникам, советскому мифу о «новом человеке», а также к знакомым явлениям мировой культуры актуализируется мысль о способности человека к пересозданию мира на разумных основах.

Методы исследования

В работе использован комплексный анализ текста, в том числе сравнительно-типологический, мифопоэтический, интертекстуальный, что дало возможность выявить генетические связи персонажей с фольклорными образами, глубинными мифологическими пластами, а также отметить некоторые закономерности отечественного литературного процесса. Наблюдение над ономастикой позволяет выявить некоторые скрытые пружины сюжета, найти ключи к трактовке отдельных героев романа.

Результаты исследования

Смысловые контексты романа А. Варламова «Душа моя Павел» во многом детерминированы архетипической логикой; в тексте использованы фольклорные и мифологические мотивы, задействованы сказочные типажи, расширяющие семантическое поле и уводящие повествование от прозы жизни в плоскость осмысления онтологических ценностей.

Обозначая фольклорную составляющую романа, А. Варламов придает главам соответствующие названия: «Сестрица Аленушка», «Частушки», «Фольклорная практика», «Не ешь пирожок». Однако при ближайшем рассмотрении их фольклорный код воспринимается скорее сквозь призму иронии, поскольку содержание этих глав оказывается полемичным заглавиям.

Жанр романа требует нескольких сюжетных линий, в то время как один из признаков фольклорного произведения — наличие одного героя и одной сюжетной линии. В романе «Душа моя Павел» действует один герой — Павел Непомилуев, юноша, выросший в закрытом военном городке и приехавший в Москву с наивной верой в то, что его читательского интереса к литературе достаточно для поступления в самый престижный вуз страны — МГУ. Остальные персонажи даны схематично: с ними не связаны отдельные сюжетные линии и это структурно сближает произведение с фольклорным эпосом. Несмотря на то что действие романа происходит в не столь отдаленном 1980 году, а сюжет представляет собой соотносимый с современностью рассказ о поездке главного героя на уборку картофеля со студентами-филологами МГУ, А. Варламов использовал *фольклорные мотивы инициации и хождения за правдой*. Так, Павел в одном из откровенных разговоров признается, что поехал в Москву *за правдой*: «Я много об этом <...> думал. Иногда даже уснуть из-за этих мыслей не мог. Ночами просыпался и думал. В Москву за ответом поехал» (Варламов, 2022, с. 271).

Перед Павлом Непомилуевым, как перед сказочным героем, стоящим у ве- щего камня, в начале романа открываются разные дороги, каждая из которых су- лит ему свои испытания. В этом смысле упоминание в завязке рассказа О. Генри «Дороги, которые мы выбираем» опознается как стилизованный фольклорный код («сказка ложь, да в ней намек»). Речь в рассказе американского писателя идет

о выборе между выгодой и нравственностью. В двух предложенных вариантах судьбы герой Додсон предпочитает деньги, ради которых предает друзей. Павел Непомилуев не посчитал нужным запомнить автора рассказа (ведь фольклор анонимен), но зато его идею воспринял серьезно: главное не в том пути, которым идет человек, а в том, какие поступки он на нем совершает.

Проекция на низкого фольклорного героя

Своей наивностью, добродушием и сказочным везением Павел Непомилуев напоминает низкого фольклорного героя — Иванушку-дурачка. По ремарке автора он был «с малых лет мечтателен и глуп», но даже с плохой подготовкой и низкими баллами аттестата поступил в МГУ и постепенно утвердился в среде умных, начитанных старшекурсников. Проекция героя на низкого фольклорного персонажа усиливается темой «дураки-умники». Как известно, в сказках действуют три брата, два из которых умные, а один, младший, — дурак; в романе Варламова практически все члены студенческого братства умны, и лишь один Павел — герой, «не подающий надежд» (Мелетинский, 2005). С точки зрения образованных, начитанных студентов, Павел глуп и поэтому презираем в их среде, но вскоре они вынуждены признать, что Непомилуичик «обладает какой-то мудростью, которая в конечном счете дает ему преимущества перед братьями» (Мелетинский, 2005, с. 188).

Мотив братства присутствует в романе сначала имплицитно, но постепенно проявляется все более отчетливо. Его обозначает Евгений Бокров по прозвищу Бокрёнок, первым и сначала в шутку назвавший Непомилуева братом. Тема братства возникает и во фразе бригадира Ромы, который называет отряд студентов бригадой имени Бэды Достопочтенного (Новикова, Лапынина, 2020, с. 73). Имя Бэды Достопочтенного, английского монаха-бенедиктинца VII века, вполне литературно, оно упоминается в «Божественной комедии» Данте, в произведениях У. Уордсворта и Я. П. Полонского. Живший в обители Св. Петра и Павла в Ярроу, славившейся богатой библиотекой и духом равенства и братства среди монахов, Бэда Достопочтенный был исключительно образован для своего времени. Ироническое упоминание бригадиром имени Бэды Достопочтенного говорит о том, что Павлу предстоит приобщиться к братству исключительно умных ребят, что, однако, наивный мальчик не понимает в силу своей невежественности.

На студенческое содружество намекает фамилия комиссара студотряда Семибратского. В его фамилии заложены два значимых концепта (*семь* и *брат*), каждый из которых имеет корни в фольклоре. Семибратский выполняет функцию старшего брата необузданной молодой вольницы, но в нем и самом много протестного. Умный и тонкий, по-своему цельный, но совершенно бездеятельный, комиссар, поставленный контролировать работу студентов и осуществлять связь с вузом, не справился со своими обязанностями, что привело к срыву работ на колхозном поле. Вину за это он возложил не на себя, а на порочную государственную

систему и поэтому внутренне одобрил студенческую забастовку лишь с небольшим дополнением («по-другому надо...»). Каждый из «братьев» его отряда, как и герои сказки «Семь Симеонов», обладает особым талантом, который Семибратский признает и использует в своих протестных целях. И только в Непомилуеве он не увидел ничего, что могло бы вдохновить его, потому что Павел не способен на предательство своей страны. Таким образом, Семибратский в романе занимает промежуточное положение между студентами и руководством вуза, взяв от той и другой стороны худшие черты: неверие, отсутствие идеалов, приспособленчество, зависть, трусость, пьянство. В связи со сказанным противостояние Непомилуева масштабу зла выглядит внушительно, приближаясь к подвигу сказочных героев.

С низким фольклорным героем Павла Непомилуева соотносят мотивы *сиротства, невезучести и ущербности*, которые обнаруживаются еще во время пребывания его в родном городе Обдорске. Мечтательность, пассивность и оторванность от жизни раздражали отца Павлуши, но все призывы Непомилуева-старшего очнуться и спуститься с небес на землю не достигли ушей подростка. Не понимает юношу и начальник отца полковник Передистов, который хотел бы видеть его военным или инженером, а не профессиональным читателем (Варламов, 2022, с. 25). В Москве «глупость» героя обнаруживается с новой силой, когда он провалил экзамены в университете. Провал был закономерен: Непомилуев учился в школе плохо, и, хотя читал книги запоем, его суждения о прочитанном лишь раздражали учительницу литературы, которая считала Павла необучаемым и возвращала «глупому мальчику тетради, в которых красного и перечеркнутого было больше, чем синего» (Варламов, 2022, с. 23).

Сказочный герой, не подающий надежд, «часто изображается уродом» (Мелетинский, 2005, с. 193). Следуя этой традиции, Варламов покрыл лицо Павла обильными прыщами. То, что за ущербной внешностью героя скрывается прекрасная душа, увидели несколько героинь романа, в том числе одинокая женщина, жительница деревни Анастасьино, сказавшая о физическом недостатке героя так: «Да эти прыщички заветные — это ж защита его была. Как ладанка родительская иль оберег...» (Варламов, 2022, с. 364). Действительно, прыщи на лице героя отталкивают от него случайных девушек, зато Людмила, Алена, Буратинка смотрят не на лицо, а в прекрасную душу Павла.

Герой наделен *говорящим именем*. Автор дал ему имя апостола Павла не случайно. Берущее начало от римского Paulus — малый, оно в то же время имеет значение «дивный, или избранный», а также «желанный» (Флоренский, 2008, с. 592–593). Семантика имени проявлена в сюжете: среди образованных структуралистов Павел ощущал себя малым и, несмотря на свой высокий рост, смотрел на всех снизу вверх. Студенты называют его малышом, пупсиком, дурачком, фурсиком (т. е., по Далю, «недоростком, маленьким человечком»).

Ущербность Непомилуева проявляется в недостатке образования, непонимании «умных» разговоров о литературе. Калейдоскоп имен и терминов, неизвестных Павлу, ставит его на самую нижнюю ступень в студенческой иерархии, с чем он вполне согласен: в разговоре с Семибратским он говорит о себе «я дурак»

(Варламов, 2022, с. 224). В другом фрагменте он проводит параллель с собой и фольклорным персонажем еще более очевидно: «...я тоже средневековый» (Варламов, 2022, с. 159), как и герой волшебных сказок.

Фамилия Павла отсылает к фольклорному *мотиву сиротства*. Непомилуев — человек, которого не помиловала судьба (он рано лишился родителей). Статус сироты активизирует *фольклорные мотивы «незаслуженных гонений», «действия чудесных сил, выступающих на стороне героя»* (Мелетинский, 2005, с. 7), а также *получения наследства*, что в тексте романа связано с наследованием идеи великой страны и бескомпромиссного служения ей. Вместе с тем Павел человек бескомпромиссный и не милует порок, злость, предательство. Таким образом, двунаправленная проекция имени и фамилии центрального персонажа становится залогом превращения его в финале по законам волшебной сказки в «высокого» героя.

Сказочный топос

Обращение к образу Ивана-дурака — это лишь зацепка, заставляющая погрузиться в систему текста, чтобы обнаружить все очевидные и неочевидные контексты персоналогического, фольклорного и онтологического уровней персонажа.

Широко известны фольклорные сюжеты «о посещении героями иных миров, которые иногда совпадают с царством мертвых» (Мелетинский, 2005, с. 12). Первой подобной отсылкой в романе становится город Обдорск, в котором родился Павел. Обдорск, или Пятисотый, как называют его жители, секретный город, которого нет на карте страны. Оним выбран не случайно. Город на реке Оби с таким названием просуществовал до 1933 года, а затем был переименован в Салехард. Однако обдорские земли традиционно соотносят с легендами о вольных праведных землях (Лукоморье, Беловодье, Китеж, Опоньское царство и т. д.) (БРЭ, 2014–2017). Так, в рассказе А. Платонова «Иван Жох» упоминается Вечный Град-на-Дальней реке, «вечный невозможный город» *на Оби*, основанный Иваном Жохом на благочестивой опоньской земле в Беловодье (Платонов, 2004, с. 38).

Павел, размышляя о Пятисотом, думал: «Как может быть на свете то, чего нет на карте? А может быть, нашего города просто не существует?» (Варламов, 2022, с. 13). Так в роман входит фольклорный *мотив некоторого царства-государства*, заповедного места, куда нет доступа обычным людям. Неслучайно Павел, приобщившийся к жизни большой страны, теряет возможность вернуться в город своего детства. «Тебе уже нельзя к нам <...>, — говорит ему Передистов. — Ты не найдешь дорогу, сынок» (Варламов, 2022, с. 404).

Другим заветным местом становится деревня Хорошая. Туда Павла приводит студентка-фольклористка Люда, путеводительница и помощница Павла. Примечательно, что дорога ведет молодых людей по полю, висячему мостику через быструю речку и приводит к деревушке, отделенной от остального пространства рекой

и высоким хвойным лесом. В фольклоре лес наделяется «признаками удаленности и непреодолимости», «чужого пространства» и «того света» (Добровольская, 2017, с. 6); в романе он «окружает иное царство» (Пропп, 2000, с. 41), становится границей, отделяющей мир людей от потустороннего мира. Эту же функцию выполняют река и мостик, становясь для Павла и Людмилы границей между «тем» и «этим» светом (Славянская мифология, 1995, с. 96).

Хронотоп данного фрагмента сказочный: за несколько часов Павел и Людмила преодолевают путь в 60 километров и оказываются в странной беззвучной деревне, населенной тихими девочками-бабушками. Мир этой деревни кажется Павлу чужим: «Странная какая-то деревня и река. Совсем ее не помню. Я же здесь летал, я все эту местность на много километров видел. А эту реку — нет» (Варламов, 2022, с. 309). И вновь в тексте возникает мотив заповедного места, где совершаются чудеса. Именно в деревне Хорошей Павел преодолевает еще одну ступень на пути к инициации, избавляется от подростковой стыдливости, открывает для себя мир физической любви к женщине. Водная символика сцены «в бане» актуализирует мифологические пласты, связанные с тайными, сексуальными, очистительными и одновременно лечебными свойствами воды. В то же время именно в деревне Хорошей Людмила поит Павла приворотным зельем, из-за чего он оказывается на грани жизни и смерти.

Волшебные помощники

Ни одна волшебная сказка не обходится без волшебных помощников. В романе ими становятся Муза Георгиевна, Алена/Эяна, Людмила, полковник Передистов и профессор Николай Кузьмич Суц.

Особую роль в романе играет *Муза Георгиевна Мягонькая*, которая дала Павлу пропуск в студенческую жизнь, а позднее не позволила отчислиться из вуза. Фольклорные проекции данного образа переведены в *подтекст* и *травестированы*. Так, Муза Георгиевна, которую Павел поначалу воспринимает как бабушку-уборщицу, напоминает добрую волшебницу, а также Бабу-ягу. Об этом говорит имплицитное подчеркивание ее женского начала, и фамилия Мягонькая иронически высвечивает данную проекцию. Павел неслучайно сравнил ее с крольчихой: «В ней было что-то кроличье. Наверное, у нее было много детей и внуков» (Варламов, 2022, с. 19). Известно, что у сказочной Бабы-яги детей не было, но женские органы (большие груди) упоминаются в фольклорных источниках. В некоторых сказках говорится о слепоте Бабы-яги. Мягонькая тоже носит очки с крупными линзами.

Согласно мнению В. Я. Проппа, образ Бабы-яги восходит к древним пластам культуры, к матриархату, когда женщина была главой рода. Именно она была хозяйкой, распорядителем обряда инициации. Муза Георгиевна, подобно мифологической прародительнице, наделена магической силой. Одного ее слова оказывается достаточно, чтобы решить вопрос о зачислении Павла в вуз. Интересно, что

Мягонькая упоминает в запальчивости, что ради Непомилуева готова на крайние меры: «Я хоть к Черту пойду, если надо будет» (мотив общения с нечистой силой). Любопытно, что этой нечистой силой она считает партком вуза.

В волшебных сказках Баба-яга дает герою добрый совет и волшебного помощника. В романе мотив дарения становится сюжетообразующим: Муза вручает Павлу блокнот, в который велит записывать новые для него слова, что способствует быстрому преображению героя и одновременно активизирует темные противоборствующие силы (наводит подозрения в доносительстве).

Интересен амбивалентный образ Николая Кузьмича Суца. С одной стороны, он, бывший фронтовик и секретарь парткомитета вуза, стал крестным отцом Павла и его защитником в деканате вуза. С другой стороны, во внешности и характеристике персонажа просматривается образ черта: он старый, одноногий, от его пронзительного взгляда становится не по себе не только окружающим, но и крестнику: «Вот кто шаман настоящий <...>. Эх, опасный человек мой лелька, лучше бы мне от него подальше держаться» (Варламов, 2022, с. 99).

Этимология фамилии героя обращает к древности. Словарь Даля зафиксировал слово «сущ» как синоним слова «сухой»; применительно к человеку — это «холодный», «неласковый», применительно к растениям — «иссохший», «неживой». Все эти характеристики вполне подходят парторгу вуза и в то же время отсылают к образу Коцея Бессмертного. В студенческой среде его имя обыгрывалось именно в таком негативном ключе: «Если вы та самая Сущь, которая историю капээсэс преподает, я с вами никуда не пойду», — говорит Непомилуев парторгу (Варламов, 2022, с. 388). Как нечистую силу упоминает партком и Мягонькая. Тяжелый разговор в деканате между Суцем и Раечкой уподобляется битве темных сил, от которой сделалось «черно и страшно» и из которой Суц вышел победителем.

Важной помощницей Павла становится красивая и уверенная литовка *Алена*. Ее имя соотносит героиню со сказочной Аленушкой, старшей сестрой непослушного Иванушки. Алена проявляет к Павлу сестринскую любовь, заботу и сострадание. В то же время в ней проступают черты Василисы Прекрасной/Премудрой. Алена чрезвычайно умна, прозорлива и способна пресекать зло: «Непомилуев никогда не подозревал раньше, что злость украшает женщину лучше всякого наряда. <...> закутанная бабьим платком Алена с ее строгим лицом и тонкими губами показала ему такой прекрасной, что он прирос к месту...» (Варламов, 2022, с. 71).

Наконец, один из самых таинственных и влиятельных помощников, который находится на периферии повествования и появляется только в самые трагические моменты жизни Павла, — это *Передистов*. Он издалека наблюдает за взрослением юноши, дает ценные советы и возвращает ему после болезни и пребывания в больнице забытую карту страны, таким образом напоминая ему о великой задаче, которая была поставлена перед юношей самим фактом его рождения и воспитания в Обдорске: «Ты — лучшее, что мы могли им дать. Ты наше целеполагание, Павел» (Варламов, 2022, с. 405).

Мотив заколдованности

В сюжете романа реализуется *мотив инициации* главного героя, также восходящий к фольклорным жанрам. Павел на пути к зрелости проходит ряд испытаний, одно из которых — любовь. Этот мотив в романе переплетен с *темой колдовства* и реализуется через традиционный любовный треугольник. Павел, влюбленный в Лену, не может добиться от нее взаимности, она холодна, равнодушна, как царевна Несмеяна, и кажется ему пленницей, «которую захватил кто-то хищный и злобный, и Павлик должен был ее освободить» (Варламов, 2022, с. 72).

Образ Людмилы, которую герой долго не замечает, тоже овеян колдовством. «Незаметная замухрышка, всегда ходившая в одной и той же синей прозодежде», она умеет разговаривать с птицами, заговаривать болезни. Желая заполучить Павла, девушка прибегает к привороту. Обряд совершается старой бабкой-знахаркой сначала в избушке, а затем в бане (нечистом по народным приметам месте), куда Павел идет вместе с Людмилой в надежде избавиться от прыщей. В бане Людмила, сбросившая с себя одежду, превращается из серой невзрачной девушки в красавицу (мотив заколдованной невесты, как, например, в сказке «Царевна-лягушка»): «Непомилуев не думал, что Люда так красива, <...> поразило его ее преображение, как будто перед ним была теперь совсем другая Люда» (Варламов, 2022, с. 331–332). В доме тихой старушки в состоянии опьянения и слабости герой постигает таинство сексуальной близости (мотив запрета добрых отношений и утраты невинности). Но, как сказочная Василиса Премудрая, утром надевающая лягушачью кожу, так и Люда перед восходом обретает свой прежний облик и просит Павла уйти.

Показательно, что ночью, в неурочное время, закричал петух — в славянской мифологии «вещая птица, способная противостоять нечистой силе» (Славянская мифология, 1995, с. 307). Люда в эти минуты рассказала Павлу, что у древних славян это было приметой мужской инициации («Когда мальчик становится мужчиной, в его честь кричит петух»). Но крик петуха словно разрушает колдовство ночи. Девушка вслед за этим холодно произносит: «А теперь иди <...> Не хочу, чтобы ты меня утром увидел» (Варламов, 2022, с. 334).

Мотивы колдовства, преждевременного превращения и наказания за это способствуют дальнейшему развитию сюжета: Павла настигает странная болезнь, которая в народной культуре мыслится как результат действия нечистой силы или порчи (Славянская мифология, 1995, с. 60), а на Людмилу обрушивается людское порицание и горькое раскаяние, проявившееся в разговоре девушки с Бабал на крыльце. Мотив колдовства подтверждается словами Павла о Людмиле, произнесенными в бреду и отсылающими к сказке о Царевне-лягушке: «...она просто шкурку поторопила сжечь» (Варламов, 2022, с. 346). Людмила, сжигающая в огне самопожертвования свою защитную оболочку, наказывается отрешением от самого дорогого: от любимого Павла и желанной профессии. Завершает линию Людмилы некий голос свыше, который велит ей оставить Павла навсегда: «Иди, девка, стаптывай свои башмаки. И не вздумай его найти» (Варламов, 2022, с. 347).

После обряда крещения, последовавшего за приворотом, Павел попадает в больницу, а затем в морг. Приворотное зелье и святая вода в церкви оказались столь несовместимы, что превратились для Павла Непомилуева в мертвую воду, погрузили в небытие. На метафизическом уровне он оказывается в символическом пограничном пространстве загробного мира, где его блуждания то ли по просторам необъятной страны, то ли по ее карте уподобляются скитаниям сказочного героя за волшебным клубком в Тридевятом царстве: «Иду и иду, как будто кто-то бросил волшебный клубок передо мной» (Варламов, 2022, с. 361).

В загробном мире, как и в сценах в деревне Хорошая, активизируется фольклорный *мотив мертвой и живой воды* (Солдаткина, 2020, с. 14). Заснеженные поля и холод прибрежного морского песка сменяет теплая вода незнакомой дымящейся речки, куда Павел «лег <...> лицом вниз. Он лежал так очень долго, удивляясь тому, что ему совсем *не хочется дышать*, и чувствовал, как вода трогает его лицо и обтекает тело, словно он сделался *неподвижным камнем*. Ему и не хотелось теперь вставать, <...> а так бы и *лежать* в этой чудесной воде...» (курсив мой. — *И. М.*) (Варламов, 2022, с. 354).

Детали приведенного фрагмента говорят о том, что герой погружен в мертвую воду («не хотелось дышать», «сделался неподвижным камнем»). Любопытно, что умерший накануне Семибратский, которого во время загробных странствий встречает Павел, сидит, *опустив ноги в воду* волшебной реки, в то время как Павел *вышел из нее* и проходит по берегу мимо.

Живой водой для героя становятся слезы Люды, которая не только сумела разглядеть его в потустороннем мире, но и попросила прощения, отпустив в самостоятельную свободную жизнь.

Русалочьи мотивы

С колдовством, очарованием связано в романе переосмысление *русалочьих мотивов*. На юношу магически действуют длинные женские волосы. Например, волосы Алены, рассыпанные по куртке, подсознательно обращают героя к его подростковому тайным мечтам о прекрасных женщинах: «и все женское... рисовалось в облике длинных платьев, *струящихся* по плечам *волос*, устремленных вдаль взоров и тихих слов» (Варламов, 2022, с. 63) (курсив мой. — *И. М.*).

Длинные платья, скрывающие ноги, струящиеся, как бы стекающие по плечам волосы, тихие слова — все эти детали репрезентируют русалочью тему. Люда, распустившая в бане волосы, напоминает юноше русалку. Для Павла в эти минуты она мгновенно преобразуется в прекрасное таинственное существо. Связанные с плодородием, эросом, русалочьими чарами, волосы околдовывают, увлекают в неведомый мир любви. Поэтому, запутываясь в тяжелых волосах Люды, Павел забывает о себе, об Алене, обо всем на свете.

Водная семантика отличает и образ Буратинки. Только что выкупавшаяся в пруду, девушка очаровывает Непомилуева своими «мокрыми спутанными

каштановыми волосами». Характерно, что более ранняя встреча с девушкой не произвела на Павла такого впечатления. И лишь встреча с искупавшейся свежей Буратинкой заставляет Павла забыть о прежних любовных историях.

Таким образом, длинные волосы наделяются магической силой и выполняют в романе ритуальную функцию приворота.

Мотив защиты родины

Важным фольклорным мотивом является мотив защиты родины. Положительные герои в эпосе «выражают национальные идеалы» (Пропп, 1976, с. 100). В романе национальная идея актуализируется в спорах Павла со структуралистами, в беседах с бригадиром Лешей Бешеным и Передистовым. Из разговоров он узнает много нового о жизни страны и ее людей: о ГУЛАГе, произволе чиновников, бедноте и бытовой неустроенности простых людей. Но это не мешает ему продолжать верить в прекрасное будущее своей большой Родины. Он готов биться за нее, реализуя вложенную в него цель — быть защитником и проводником всего лучшего, что было в его родном Обдорске. «Что вам сделала моя страна?» — вопрошает он структуралистов, доведенный до крайности их антисоветскими разговорами и анекдотами. В этот момент, встав во весь свой богатырский рост, почти упираясь головой в потолок на фоне карты СССР, он одновременно становится похож «на вратаря, защищавшего это огромное пространство от вероломного нападения» (Варламов, 2022, с. 127), и на красноармейца со знаменитого плаката времен Гражданской войны. Оба эти образа восходят к одному архетипу — *былинному богатырю, защитнику родины*.

Примечательно, что вероломное нападение на страну Павел ожидает не столько со стороны стран-соседей, сколько от сограждан и особенно от сверстников. Так, в разговоре с Лешей Бешеным юноша противопоставил зыбким нравственным законам бригадира свою внутреннюю цельность и убежденность, обретенную в Пятисотом: «Мне один человек говорил, <...> что извне нас победить невозможно, потому что сильна наша армия, а вот изнутри разложить постараются. И не старшее поколение, <...> а молодых» (Варламов, 2022, с. 270).

Соответствуя фольклорному образу богатыря и его предназначению, Павел, вопреки всем трудностям, сохраняет верность идеалам и не только защищает честь страны, работает во имя ее на пределе сил, но и борется за души молодых ребят, которые захватила мифическая «глокая куздра». В мысленном споре с ними он говорит: «Я понимаю, что <...> вас обманывали часто и веры у вас почти не осталось <...> Это ведь все глокая куздра, это она нас захватила и обманула, а мы решили, что она и есть советская власть. А она только маскируется под советскую, она ложная, как ядовитый гриб, и мы ее вырвем, прогоним, мы всех бокров, бокрёнков, бокрят и бокрённышей от нее защитим и не дадим никого курдючить» (Варламов, 2022, с. 363).

Мотив преображения

Отметим еще один важный мотив, неизменно присутствующий в русской народной сказке, — это преображение героя в финале. Инициация героя сопровождается, по наблюдениям В. Я. Проппа, сменой имени, одежды, деталей внешности (Пропп, 2000, с. 39). Пройдя все испытания, в том числе символическую смерть, Павел наконец обретает себя в новой и уже ставшей родной студенческой среде. О завершившемся процессе инициации свидетельствует его очистившееся лицо и уверенность в том, что учеба в вузе будет успешной. Теперь для студентов он уже не малыш, не дурачок и не пупс, а брат, Павел, Паша, Павло, парень, старичок, боец. Сыроед обещает подобрать ему «правильный гардеробчик». Но и без модных вещей на похорошевшего парня заглядываются девчонки, и взгляды их обещают многое. Преображенного Павла не узнает лопухий паренек, с которым тот познакомился при поступлении в вуз, — теперь герой и выглядит, и ощущает себя по-иному.

Таким образом, фольклорный мотив перевоплощения венчает финал романа. Павел из малограмотного и легковверного мальчика, отвергаемого девушками, превратился в серьезного, мыслящего студента, получившего в награду влюбленность красивой девушки. Открытый финал и дальнейший путь героя символизируют его взросление, обретение высокого статуса, переход на новый жизненный этап и возможность самоопределения.

Выводы

Филологический роман А. Варламова буквально пронизан явными и скрытыми отсылками к фольклорным текстам и мифологическим образам. Главный герой Павел Непомилуев — художественное отражение низкого фольклорного героя Иванушки-дурачка. Как и у этого фольклорного персонажа и русских былинных героев, у него есть духовная миссия, подвижнический путь. Писатель использовал сюжет инициации героя, подвергнув его различным испытаниям, вплоть до смерти и погружения в потусторонний мир, откуда он возвращается перерожденным.

Непомилуев, подобно Ивану, «не подающему надежд», за душевную чистоту и бесхитрость получает в награду чудесные предметы и знания от персонажей-помощников, заботу и дружбу старшей сестры Алены/Эляны, а в финале — любовь Буратинки. Поняв свое истинное предназначение, проявив качества борца и совершив духовный подвиг, герой преображается внешне и внутренне, обретает новый социальный статус и новую природу, становится личностью.

Фольклорный код в романе актуализирует идею высокой духовной личности, способной к усовершенствованию мира на справедливых социальных и нравственных основах. Как фольклорный код и намек на скрытый смысл прочитывается упоминание рассказа О. Генри «Дороги, которые мы выбираем» и его главной мысли о том, что не так важна дорога, которую выбирает человек,

а то, **что** внутри его выбирает тот или иной путь. Что-то, определяющее поведение людей, — это душа, которая формируется семьей, окружением, институциями. Павел выбрал трудный путь преодоления, став новым национальным типом героя в современной литературе.

Список источников

1. Авдеева, Г. А. (2020). Филологические аллюзии и цитаты в романе А. Варламова «Душа моя Павел». *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива*, 29, 228–238.
2. БРЭ — *Большая Российская энциклопедия*. (2004–2017). (2024, 14 апреля). https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2282129
3. Варламов, А. Н. (2022). *Душа моя Павел: роман взросления*. АСТ: Редакция Е. Шубиной.
4. Добровольская, В. Е. (2017). Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов. В А. И. Смирнова, И. Н. Райкова (Ред.). *Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре* (с. 5–18). *Сборник научных статей*. МГПУ.
5. Нефагина, Г. Л. (2003). *Русская проза конца XX века. Учебное пособие*. Флинта; Наука.
6. Новикова, О. В., & Лапынина, Н. Н. (2020). Антропонимическое пространство романа А. Варламова «Душа моя Павел». *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4, 66–76.
7. Матвеева, И. И., & Крылова, С. В. (2024). Проблема положительного героя в современной литературе. *Русская словесность*, 3, 68–75.
8. Матевосян, А. А. (2023). Роль фольклорных мотивов в романе А. Н. Варламова «Душа моя Павел». *Наука и школа*, 3, 26–32.
9. Мелетинский, Е. М. (2005). *Герой волшебной сказки. Происхождение образа*. Академия Исследований Культуры.
10. Пропп, В. Я. (1976). *Фольклор и действительность. Избранные статьи*. Наука.
11. Пропп, В. Я. (2000). *Исторические корни волшебной сказки*. Лабиринт.
12. Скоропанова, И. С. (2001). *Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык*. Невский простор.
13. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. (1995). Эллис Лак.
14. Смирнова, А. И. (2010). *Русская проза второй половины XX века: вектор развития*. МГПУ.
15. Солдаткина, Я. В. (2020). Мифологема воды в современном русском «романе о взрослении» (А. Г. Архангельский «Бюро проверки», А. Н. Варламов «Душа моя Павел», Е. Н. Водолазкин «Брисбен»). *Наука и школа*, 4, 11–16.
16. Флоренский, П. (2008). *Имена. Сочинения*. Эксмо.

References

1. Avdeeva, G. A. (2020). Philological allusions and quotations in the novel by A. Varlamov «My Soul Pavel». *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 29, 228–238. (In Russ.).
2. BRE — *Big Russian Encyclopedia*. (2004–2017). (2024, April 14). (In Russ.). https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2282129

3. Varlamov, A. N. (2022). *Dusha moi Pavel: a novel of growing up*. AST: E. Shubina's Publishing. (In Russ.).
4. Dobrovolskaya, V. E. (2017). Les vs in Russian magic fairy tale: plot function of loci. In A. I. Smirnova, I. N. Raikova (Eds.). *Semantics of garden and forest in Russian literature and folklore* (pp. 5–18). Collection of scientific articles. MCU. (In Russ.).
5. Nefagina, G. L. (2003). *Russian prose of the late twentieth century. Study guide*. Flinta; Nauka. (In Russ.).
6. Novikova, O. V., & Lapynina, N. N. (2020). Anthroponymic space of the novel by A. Varlamov «My Soul Pavel». *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 4, 66–76. (In Russ.).
7. Matveeva, I. I., & Krylova, S. V. (2024). The figure of protagonist in modern literature. *Russkaya slovesnost'*, 3, 68–75. (In Russ.).
8. Matevosyan, A. A. (2023). The role of folklore motifs in the novel by A. N. Varlamov «My Soul Pavel». *Science and School*, 3, 26–32. (In Russ.).
9. Meletinsky, E. M. (2005). *The hero of a magic fairy tale. Origin of the image*. Academy of Cultural Research. (In Russ.).
10. Propp, V. Ya. (1976). *Folklore and reality. Selected articles*. Nauka. (In Russ.).
11. Propp, V. Y. (2000). *Historical roots of the magic fairy tale*. Labyrinth. (In Russ.).
12. Skoropanov, I. S. (2001). *Russian Postmodernist Literature: New Philosophy, New Language*. Nevsky Dvor. (In Russ.).
13. *Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary*. (1995). Ellis Luck. (In Russ.).
14. Smirnova, A. I. (2010). *Russian prose of the second half of the twentieth century: vector of development*. MCU. (In Russ.).
15. Soldatkina, Y. V. (2020). Mythologem of water in the contemporary Russian «coming-of-age-novel» (A. G. Arkhangelsky «Check office», A. N. Varlamov «My soul Paul», E. G. Vodolazkin «Brisben»). *Science and School*, 4, 11–16. (In Russ.).
16. Florensky, P. (2008). *Names: Essays*. Eksmo. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Ивановна Матвеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of the Department of Philology at the Institute of Humanities of Moscow City University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interest.